

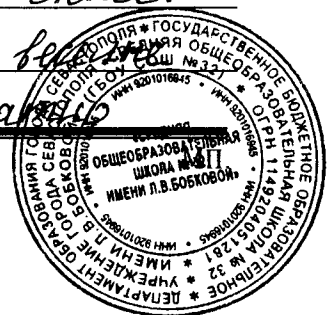
Как и когда в мою жизнь вошел Салуши Яковлевич Маршак, я уже и не помню, но его книга, толстая, в сером тряпичном переплете, где «хранились чудеса, фая и сказки», на долгие годы стала мне добрым другом. Улыбки, веселье, ясность и звучные стихи я люблюма раз и навсегда.

Бывало, за окном - ненастье, в душе - грусть, но стоит открыть книгу мастера - и мир вокруг расцветывает яркими красками, звуки и запахи наполняют ю. Летят к облакам веселые разноцветные шары; воздушные гимнасты бесстрашно делают сальто-мортале под куполом цирка; неунывающие птицы на все лады распевают свои задорные песни; мохотенщик толкает перед собой «красивый сундук» с холодным лакомством; орава мальчишек несется по улице, изобретая грозную эскадрилью, а мы с мамой с удовольствием наблюдаем за этой радостной кутерьмой.

Словам, стихам любимого поэта можно было проиллюстрировать все на свете.

На страницах книги Маршака три мудреца, важные и поэтому немного смешные и чепухе, отправляются в опасное путешествие, а храбрые портняжки, дрожа от собственного мужества, вступают в бой с безжалостной улиткой, шмыг феечки за обе щеки улетают буйки с маслом, а тетя Трот и кошка ведут великую неформальную беседу у окна.

А в зоопарке я всегда вспоминаю веселые картинки: забавные мишки тычута елочка

наполняют о своей хищной сути; слона
настойчиво примеряют туфельки не по размеру;
а добротелательке морти готовы поделиться
с гостем обедом.

Уверена, настанет время, когда и я
отведу своего мальчика в зоопарк и мы дружно
будем читать: „Где обедал, воробей? В зоопарке
у зверей...“

И, конечно же, добрая тайна героев сказок
Маршака, чудесная сила их любви и велико-
душия не могли оставить меня равнодушной,
потому что в сказках мастера справедливость
всегда торжествовала благодаря прекрасным ка-
чествам человеческой души, а не волшебным свойст-
вам какой-то палочки.

В общем, стихи и сказки Маршака стали
для меня воплощением праздника, юности и
счастья, а сам поэт казался таким простым
и ясным, добротелательно и ненавязчиво внимаю-
щим нам представившим о добре и зле.

Позднее, увидев портрет поэта, я обратила
внимание на его улыбку и пронизательные глаза,
которые выдавали в нем не столько сказочника, сколько
ученого и философа. А он и был философом. Тот-
весь к сожжению, и открыла для себя совершенно
неоткрытые стихи, глубокие и далеко не детские.
Например, Маршака волновала категория времени,
его изменчивость, текучесть, умение стиснуть

Мы знаем: время растет.

Оно зависит от того,

Какого рода содержимым

Вн наполняете ею...

Лукавое время играет в минутки,

Не тrefбде крупинок монет.

Гледишь, - на свету ево крупице сутки,

И месяц, и сельдеет лет

Также оказалось, что Маршак - тонкий и удивительный переводчик, а сонета Мексикца, стихи Блейка, Киплинга, Бернса, по сути, - исповедь самого мастера, тefбемне раздумье о ево трагическом времени. Не оттого ли так пронзительно и горько звучат строчки мексиканского сонета о несовершенстве мира, что они отразили драматизм судьбы самого художника. Он становится свидетелем двух кровопролитных войн, теряет сына и дочь; в 30-е годы сначала уничтожат детское издательство, которое он создал, затем - всех ево любимых учеников-обзинутов...

Зову я смерть. Мне видеть нестерпимет

Достоинство, что приносит поражение,

Над простотой шуршающее лотье,

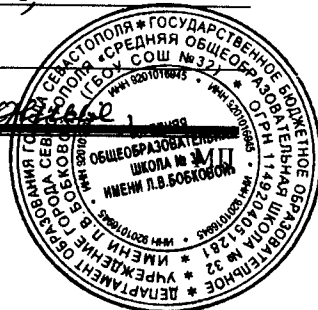
Милотество в роскошном одежье.

А еще мне кажется, что искренние слова о любви и истинной красоте также навеены тизнью самого Маршака: переводы сто тrefбдчатый сонет Мексикца, он, конечно, думал о своей красавице тене, Софье Михайловне.

Не знаю я, как шестуют бошши,

Но милая ступает по земле...

Помощешше на бюбшерическис сведения

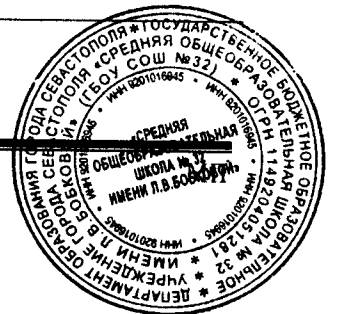
строки из шекспиловских сонетов начинают звучать особенно трагично, наполняются конкретным смыслом.

Сейчас я уже знаю, что многие уважаемые писатели и поэты участвовали в травле своих соотечественников, писали друг на друга доносы... Маришак был одним из немногих, кто не предал ни Зощенко, ни Ахматову, дружил с опальным журналистом Михаилом.

Чуткий и внимательный художник, он, по воспоминаниям многих современников, решительно вступился за Бродского, отмечая, что в его стихах много света, хотя как поэт тот был ему не близок. Узнав, что с Бродским накануне суда издательство расторгло все договоры, Маришак, больной и совершенно несчастный, сел на кровати и заплакал, сказал, что не хочет больше жить, если в стране такое творится. Наверное, опять шекспировский сонет напомнил поэту о несправедливости царящей в мире. „Маленький, сицицианский, весь обмороченный болезнью, но кипучий энергией, он позвонит директору издательства трусом и потребует заключить договор с Бродским вновь.

Мой дух в борьбе несокрушим,
Незримый мех всегда со мной...

Думаю, эти строки из мобильного или Блейка по праву могли бы стать эпиграфом к жизни самого Маришака.

Чем больше я узнавала о нем, тем больше он удивлял меня. Удивлял широтой интересов, добрым талантом, своей открытостью, мужеством, умением дарить радость, любить, способностью оставаться собой. Как удалось ему отразить и совместить в своих стихах детскую непосредственность и глубокую философичность, сохранить в непростые времена живую душу? В чем закладка мастера? Думаю, он сам ответил на этот вопрос:

И думал, чувствовал, я тил.

И все, что мог, постиг.

Все просто. Никакой закладки нет. Есть какая-то удивительная и прекрасная тайна.

